

Мария ТИЛЬК

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1989.1.05>

О ПОЛОЖЕНИИ РЕМЕСЛЕННЫХ УЧЕНИКОВ В ЭСТОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 19 ВЕКА

В процессе развития общественного труда ремесло отделялось от земледелия и становилось зачаточной формой промышленности. В течение периода феодализма ремесленники постепенно перемещались из деревни в города, где концентрировались, объединяясь по профессиям в цехи. В России цеховой строй сложился только в 18 в., значительно позже, чем в Западной Европе. Что касается Прибалтики, в частности Эстонии, то здесь цеховая организация ремесленников сложилась уже в 14—15 вв.

В конце 18—начале 19 вв., в результате генезиса капитализма, наряду с ремеслом, которое ориентировалось на отдельные заказы потребителя, появилось кустарное производство, работавшее на рынок.

До второй половины 19 в. в ремесле сохранялась цеховая организация. Цеховые уставы со своими различными запретами тормозили капиталистическое развитие, хотя в политике цехов наблюдались и элементы, отражающие капиталистические тенденции развития. Промышленный переворот и бурное развитие капиталистических отношений привели к вытеснению ремесла крупным машинным производством. Ремесленники становились одним из источников пополнения сформировавшихся основных классов капиталистического общества: буржуазии и пролетариата. «... Ремесленник — или крестьянин, — производящий при помощи своих собственных средств производства, либо мало-помалу превращается в мелкого капиталиста, уже эксплуатирующего чужой труд, либо лишается своих средств производства... и превращается в наемного рабочего»¹.

На примерах обработки статистических данных отдельных губерний В. И. Ленин показал, до какой степени тесно переплетались формы ремесленного и кустарного производства в России и как капиталистические отношения вырисовывались все яснее. В споре с народниками о «народной» и «капиталистической» промышленности он убедительно доказал, что громадное большинство кустарей (противопоставленных капиталистическому производству) работает на тех же самых фабрикантов².

С внедрением машин и под давлением конкуренции со стороны промышленности, с развитием товарного производства и уже не случайным, а систематическим употреблением наемного труда, когда «налицо есть все признаки капитализма»³, цеховые ремесла пришли в упадок. Этот процесс начался уже раньше, но долгое время тормозился старыми профессиональными привилегиями цехового производства. Эти привилегии были в Прибалтике ликвидированы в 1866 г. Последующие десятилетия стали периодом распада существовавшей веками цеховой системы и соответствующих ее традиций. Остзейцам к тому же приходилось «отстаивать не только то, чем дорожило сословие в целом, но и при-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 26, ч. 1, 419.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., 2, 400.

³ Там же, 329.

свою им особую меру привилегированности, все, что делало Лифляндию, Эстляндию и Курляндию настоящим «*Junkerparadies*», а для русских дворян служило предметом зависти»⁴. Этим отчасти объясняется и та железная хватка, с которой остзейские дворяне отстаивали основы феодального строя прибалтийских губерний. В то же время немецкое бюргерство пыталось приспособиться к условиям развивающегося капитализма. На основании законодательства Российской империи бюргерам дозволялось основывать фабрики и заводы, а также предоставлялся ряд других прав. В среде бюргерства появились предприниматели капиталистического типа — собственники промышленных предприятий, использовавшие наемный труд.

Городское бюргерство обычно подразделялось на магистрат, большую гильдию (организацию купцов) и малую гильдию (организацию цеховых ремесленников). Цеховая иерархия в Эстонии, как и везде, была представлена мастерами-хозяевами, подмастерьями и учениками, причем первые занимали привилегированное положение. Хотя подмастерьев и учеников нельзя отнести к подлинным пролетариям, ибо они пребывали в этом звании временно, а по окончании срока выучки получали возможность стать такими же хозяевами, как их мастера, все же во время учебы они находились в положении эксплуатируемых. Фактически именно из числа подмастерьев и учеников городской пролетариат постоянно получал пополнение.

Целью данной статьи является изучение положения ремесленных учеников — детей и подростков, самых незащищенных законами и уставами, отданных «по добрым старым обычаям» под «отцовскую опеку» мастеров-хозяев, — во второй половине 19 в. Здесь рассматривается юридическое и фактическое положение учеников, регламентированное сложной системой законов и веками установившихся традиций, прослеживается изменение обязанностей и прав учеников на фоне быстро развивающихся капиталистических отношений и распада цеховой системы на протяжении второй половины 19 в., а также изменение относящихся к ученикам статей законодательства.

На положение ремесла и промышленности в Эстонии обращали внимание многие остзейцы-историки в прошлом веке в связи с экономическими, статистическими или этнографическими вопросами⁵. Шел поиск путей приспособления средневековых традиций к новым отношениям в историческом развитии. Одним из таких «искателей» был А. Штакельберг, основательно изучивший положение рижских цехов в середине 19 в., а также ремесленное и промышленное законодательство других стран, особенно Германии — классической страны цехов⁶. Он был сторонником кардинального переустройства ремесла, упразднения цеховой системы. В 1859 г. А. Штакельберг был назначен председателем Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра фабричного и ремесленного уставов, и слово его имело там большой вес.

Вопросы ремесла интересуют и современных советских историков. В Эстонии эту тему изучают Э. Кангиласки⁷ и Ю. Линнус⁸, но в более раннем периоде — 18—начале 19 вв. Много сведений о городских ремес-

⁴ *Духанов М. М.* Остзейцы. Политика остзейского дворянства в 50—70-х годах XIX века и критика ее апологетической историографии. 2-е изд. Рига, 1978, 103.

⁵ *Штакельберг А.* Цеховое устройство и свобода промышленности в Европе. СПб., 1863; *Jordan, P.* Die Resultate der ehstländischen Volkszählung vom 29. Dez. 1881. Reval, 1886; *Jung-Stilling, F.* Material zu einer allgemeinen Statistik Livlands und Oesels. I. Riga, 1863; *Eckhardt, R.* Material zu einer allgemeinen Statistik. IV. Riga, 1883; *Ame-lung, F.* Studien zur Geschichte Oberpahlens. Dorpat, 1892.

⁶ *Штакельберг А.* Цеховое устройство, 106—913.

⁷ *Kangilaski, E.* Oripõisid Lõuna-Eesti tsunftides 18. ja 19. sajandil. — *Etnograafia-museumi aastaraamat XXVII.* Tartu, 1973.

⁸ *Linnus, J.* Maakäsitöölised Eestis 18. saj. lõpust kuni 1917. Tallinn, 1972.

денниках имеется также в трудах Р. Пуллата⁹. Развитие гражданского законодательства в Эстонии, с чисто юридической точки зрения, анализирует Ю. Егоров¹⁰. Давая общий обзор законодательства, он касается и ремесленных учеников.

Положение рижских цехов в середине 19 в. в связи с отчетами А. Штакельберга и А. Беклемишева изучал П. Г. Рындрюнский¹¹. Развитие цеховой системы в рамках законодательства русского абсолютизма рассматривает К. А. Пажитнов¹². Хотя Остзейским губерниям он уделяет мало внимания, важно, что этот район изучается в контексте всей империи, как часть целого. К. А. Пажитнов четко показывает, что хотя цеховая организация ремесла в России существовала издавна, она никогда не доходила в своем развитии до уровня классической цеховой системы. Моменты внутренней политики, которые характерны именно для Остзейских губерний, анализирует М. М. Духанов во многих своих трудах¹³. Он рассматривает сущность остзейского права, подготовку остзейцами разных законопроектов, действия Остзейского комитета и т. д. Но он, к сожалению, не касается в прямом смысле ремесла.

В данной статье используется два рода источников. К первому относятся общеимперские ремесленные уставы, «Свод местных узаконений губерний Остзейских», многие местные общие ремесленные уставы и уставы отдельных или объединенных ремесел. Эти источники освещают юридическую сторону вопроса и показывают правовое положение ремесленных учеников. Ко второму роду источников относятся документы из разных архивов, отражающие действительное положение ремесленных учеников в Эстонии во второй половине 19 в.

Поскольку ремесленные ученики фактически находились в полной зависимости от хозяина и касающиеся их статьи законодательства носили самый общий характер, то и возникающие конфликты обсуждались и решались в стенах мастерских самими мастерами. Как правило, никакие споры и жалобы не протоколировались. Огласке предавались отдельные, из ряда вон выходящие случаи. Поэтому характеризующие действительное положение учеников факты нужно искать в разных, иногда косвенных источниках. Таковыми являются договоры между мастером и учеником, списки учеников отдельных цехов и сопровождающие данные, переписка мастеров об учениках, рекомендательные письма, списки учеников школ для бедных при благотворительных обществах и богадельнях, отдельные жалобы, доходившие до суда и разбиравшиеся там, и т. д. Большой интерес представляют также отчеты ревизии рижских цехов А. Штакельберга и А. Беклемишева, дающие яркую картину положения ремесленных учеников в середине века.¹⁴ Сравнительный материал содержит массив опросных листов ремесленных заведений 1893 г. по Эстляндской и Лифляндской губерниям¹⁵. Хотя на 16 заданных вопросов ответили не все хозяева мастерских, этот материал многое высвечивает из жизни ремесленных учеников в конце 19 в.

⁹ Pullat, R. Eesti linnad ja linlased 18. saj. lõpust 19. saj. alguseni. Tallinn, 1972; Пуллат Р. Городское население Эстонии с конца 18 века до 1940 года. Таллин, 1976.

¹⁰ Егоров Ю. История государства и права Эстонской ССР. Таллин, 1981.

¹¹ Рындрюнский П. Г. Ремесленные цехи г. Риги в 40-х годах 19 в. — В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958, 180—193.

¹² Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952.

¹³ Духанов М. М. Остзейцы. Рига, 1978; Духанов М. М. К вопросу о политической платформе царизма в Балтийских губерниях в 60-х годах 19 века. — Уч. зап. Латв. ун-та, 1961, 40, вып. 4, 258—273.

¹⁴ Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного, ч. II. СПб., 1863, 7.

¹⁵ Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 1290, оп. 5, д. 151 и 152.

Как уже отмечалось, прибалтийские губернии принадлежали к тому региону империи, который управлялся по-особому. Управление это основывалось на постановлениях, общих для всей империи, и на постановлениях местных.

Стремясь сохранить свои сословные привилегии и воспрепятствовать распространению действующего в России права, остзейцы упорно цеплялись за отжившие феодальные привилегии раннего периода. Цехи с их политикой были не только остатком прошлого: за возможно полное соблюдение цеховых порядков энергично боролись, мало того, эти порядки распространялись на новые группы ремесленников. Цеховая система отвечала реальным интересам влиятельных групп и использовалась ими в новых условиях. Цеховые порядки помогали сохранить монополию и мешали проведению в жизнь принципа свободной конкуренции, они препятствовали свободному переходу рабочей силы от одних предпринимателей к другим. Они сковывали развитие более прогрессивных форм производства, но вместе с тем и способствовали победе более сильных в конкурентной борьбе. Словом, они отвечали требованиям немцев-остзейцев, считавших Прибалтику «частью Германии, находящейся под властью России»¹⁶.

Многочисленность и противоречивость действующих в прибалтийских губерниях законов, несколько языков в обиходе и местные особенности затрудняли замену здешних чиновников из среды прибалтийских немцев чиновниками из других губерний. А губернские органы не были достаточно укомплектованы лицами, заинтересованными и чувствующими ответственность за проводимую ими «общеимперскую политику». Среди других субъективных факторов, в силу действия которых царская администрация в Прибалтике часто шла на поводу у остзейцев, была «недостаточная компетентность государственных сановников в делах балтийских губерний»¹⁷. К тому же в Петербурге действовал Остзейский комитет (1846—1875). Канцелярия этого государственного учреждения содержалась на средства остзейского дворянства. Остзейский комитет располагал правом рассматривать подготовленные остзейцами законопроекты и представлять принятые ими законопроекты на утверждение в Государственный совет, а затем, минуя другие инстанции, и царю.

В 1845 г. были изданы две части Свода местных узаконений губерний Остзейских, в 1865 г. — третья часть. Этот Свод на долгие годы закрепил за остзейцами привилегии.

Цеховая система ремесел в Эстонии четко повторяла немецкую. Системе этой было уже несколько сот лет и традиции прочно укоренились в быту горожан. С первого взгляда, вся жизнь цеха и его членов была расписана в уставах. Но если присмотреться внимательнее, то именно статьи, касающиеся учеников, носили достаточно общий характер. Обычно каждый желавший изучить ремесло должен был сам договариваться об этом с каким-нибудь мастером, за несовершеннолетних договаривались родители или опекуны. Срок ученичества назначался не менее как на три года, но часто он бывал гораздо больше.

Возраст учеников был самый различный и в уставах не оговаривался. Между учеником и мастером заключался письменный договор, в котором мастер обещал учить своему ремеслу добросовестно и честно, а также по-отечески заботиться об ученике, а ученик обещал во всем повиноваться ему.

Уже составленный в 1818 г. «Регламент для ремесленных цехов в

¹⁶ Ein verlassener Bruderstamm. Vergangenheit und Gegenwart der baltischen Provinzen Russlands von einem Balten. Berlin, 1889, 149.

¹⁷ Духанов М. М. К вопросу о политической платформе царизма, 262.

губернском городе Риге»¹⁸ в некоторой мере поколебал замкнутость цехов, снизил вступительные взносы при приеме в мастера, освободил подмастерьев от обязательного «странствования»¹⁹ и внес поправки в ряд других устаревших предписаний и ограничений. Об учениках говорилось в этом «Регламенте» также в общих выражениях. Но § 5²⁰ обращал внимание на проступок ученика, который в те времена и позже был весьма распространен. Именно, запрещался уход ученика от мастера раньше договорного срока, а мастеру давалось право силой возвращать убежавшего.

В 1845 г. было издано общеперское «Уложение о наказаниях», в котором, в частности, санкционировалась власть мастера над учеником. Но были установлены точные штрафные суммы и с мастера, если тот отсылал ученика раньше договорного срока и без аттестата. По-видимому, и такое встречалось часто.

С этим «Уложением» интересно сравнить изданный в 1844 г. в Ревеле «Устав ремесленников Ревеля»²¹. Здесь также санкционировалась власть мастера и точно определялись меры телесного наказания ученику за те или иные проступки. Из этого «Устава» выясняется, чего больше всего опасались со стороны ученика. Домашние недоразумения, некачественная и недобросовестная работа, сопротивление, невыполнение порученного, грубость, леность — за все это ученик наказывался в стенах мастерской. Публичному наказанию подлежали вечернее опоздание домой (мастер отвечал за то, чтобы к тому времени, когда запирались ворота мастерской, все ученики были дома), посещение пивных и «легкомысленных» заведений, драка — словом все, что позорило мастера, цех и ремесло. Из сохранившихся уставов Устав 1844 г. — один из самых подробных относительно мер телесных наказаний. По статьям «Устава», впервые провинившийся ученик подвергался порке «детскими розгами» — от 10 до 15 ударов в зависимости от возраста и телосложения. Наказывал мастер, но требовалось присутствие ольдермана. Второй раз провинившийся гуляка-ученик получал 15—20 ударов, причем ольдерман мог для исполнения наказания привести любого «вольного человека». Третий раз провинившегося сажали на сутки или двое в ратушную тюрьму. До того он получал еще 25—30 ударов розгами. При всех наказаниях должен был присутствовать ольдерман. Рабочие часы, которые провинившийся отсиживал в тюрьме, нужно было отработать в свободные вечера. Интересно, как в § 6 оговаривалась возможность ученика взывать к справедливости: «Назначенное наказание приводится мастером или ольдерманом в исполнение немедленно, без права ученика обратиться к высшему авторитету. Если ученик уверен, что он получил слишком много (ударов), то ему разрешено после наказания жаловаться, куда следует. При этом ольдерман должен строго следить, чтобы каждое дополнительное наказание (по жалобе) основательно проверялось»²².

Если наказанный ученик продолжал непутевую жизнь, главный ольдерман предлагал всем мастерам гильдии продлить ему срок учения и взять под усиленный контроль и личную ответственность мастера, с дозволением, по-видимому, более крутых мер наказания. Если мастера,

¹⁸ Reglement für die Handwerksämter in der Gouvernementsstadt Riga. — Государственный исторический музей ЭССР (ГИМ), ф. 190, оп. 1, д. 186.

¹⁹ Все цеховые подмастерья должны были в обязательном порядке странствовать и пополнять свои знания и навыки, а также учиться новым приемам ремесла в других городах, работая некоторое время у чужих мастеров. Ревельские цехи также принимали и распределяли на работу приехавших подмастерьев.

²⁰ ГИМ, ф. 190, оп. 1, д. 186, л. 2.

²¹ Reglement für die Handwerksämter der Stadt Reval. — ГИМ, ф. 188, оп. 1, д. 16.

²² Там же, л. 5.

желающего перевоспитать такого ученика, не находилось, а также если ученик и новому мастеру не подчинялся, то его исключали из цеха без права заниматься ремеслом и сообщали его имя всем мастерам. Последние не могли такого ученика ни под каким предлогом принимать на работу. Все обязательства бывшего мастера к этому ученику аннулировались, даже если ему оставалось до конца учебы совсем немного. В этом городе такой ученик ремесло изучать уже не мог. Мастеров, все же принявших такого провинившегося ученика, подвергали штрафу в 15 рублей, причем эта сумма шла в пользу ремесленной воскресной школы. Если ученик в тот же день не исчезал из дома мастера, штраф платился еще раз, а дальше мастер сам исключался из гильдии. Мастер подвергался штрафу и тогда, когда он не наказывал провинившегося ученика. В таком случае он платил 7 рублей в пользу воскресной школы.

Некоторые статьи устава в какой-то мере защищали и ученика. Например, цех должен был следить, чтобы мастер одевал своего подопечного прилично (в каждом цеху согласовывалось, в каком количестве и какой одеждой должен мастер снабжать ученика). Если мастер экономил на одежде, то цех мог отдать ученика до конца учебы другому мастеру, вытребовав с первого недополученную за прошедшее учение одежду. И еще, приняв ученика в свой дом, мастер должен был сразу сообщить об этом ольдерману цеха. Мастера, не выполнившие это требование, подвергались штрафу в 3 рубля серебром.

16 апреля 1851 г. был издан закон²³, имевший целью упростить цеховую организацию в тех случаях, когда ремесленников в городских поселениях и местечках было немного. Упрощение заключалось в том, что лица, занимающиеся ремеслом, не разделялись на цехи, могли заниматься несколькими видами ремесел, составляя в каждом городе, посаде или местечке одно ремесленное сословие. Занимающиеся ремеслом разделялись на ремесленников, самостоятельно производящих какую-либо продукцию, и на ремесленных работников, работающих по найму у ремесленников. Первым воспрещалось именовать себя в документах и на вывесках мастерами, а последним — подмастерьями и учениками. К записи в ремесленники допускались только люди, имеющие отдельное хозяйство и не менее 21 года от роду. Ремесленный работник не мог самостоятельно заниматься ремеслом. Он должен был найти мастера и принести от него в управу справку, что мастер берет ответственность за работу этого работника на себя. В ремесленные работники могли поступать и малолетние с дозволения родителей или опекунов. Категория таких работников была в Прибалтике более неопределенна, чем в губерниях России. В основном это было нечто среднее между учеником и подмастерьем, а в представляемых в Петербург статистических обзорах по губернии они причислялись к подмастерьям²⁴. По понятиям немецкой цеховой системы, работник был или чернорабочий, или подсобник, или временно принятый на работу.

В Эстонии цеховые мастера всегда очень ревностно следили, чтобы не появлялись внецеховые ремесленники, часто силой заставляли таких уходить из города, громили мастерские или подвергали штрафу. Но в середине 19 в., несмотря на неустанное противодействие цехов, появились отдельные ремесленники, занимавшиеся своим ремеслом самостоятельно. Какой-то части выучившихся подмастерьев цехи сами выдавали справки на право самостоятельной работы (но делали это далеко не все цехи). Например, в 1849 г. ревельский цех медных дел мастеров выдал справку, по которой «выучившийся подмастерье Петер Хейнрих Матизен

²³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), 1, 26, № 26171.

²⁴ Центральный государственный исторический архив ЭССР (ЦГИА ЭССР), ф. 41, оп. 1, д. 35, л. 66; д. 39, л. 12; д. 41, л. 43; д. 42, л. 64; д. 43, л. 62.

может заниматься ремеслом, чтобы прокормить себя и свою семью, при условии, что он не будет пользоваться посторонней рабочей силой»²⁵. Из этого также видно, что подмастерья часто обзаводились семьями (раньше это было запрещено) и многие приступали к делу без звания мастера.

Что касается общеимперских законов, то их в Остзейских губерниях обходить не могли. Закон переводился на немецкий язык, но издавался с опозданием, к нему старались приспособиться или же просто игнорировали некоторые статьи. К тому же текст законов (при переводе) нередко давал возможность по-разному толковать сказанное.

В местном Ремесленном уставе 1860 г. (представляющем собой перевод общего Ремесленного устава 1857 г. с некоторой переработкой) отмечается, что срок обучения ученика не должен превышать 5 лет, но и не быть короче 3 лет²⁶. Это требование содержалось уже в Ремесленном положении 1785 г., но по новому закону мастер должен был после 3 лет обучения выдать по просьбе ученика аттестат. Имеется в этом уставе еще один интересный пункт: «Если принятый мастером ученик окажется слабого телосложения или неспособным и не годится по этой причине в это ремесло, то об этом должен мастер в течение 6 месяцев сообщить родителям или опекунам». «Неспособность» определял мастер, при этом он полгода мог «пробовать» ученика, а потом отсылать его обратно. В остальном повторялись статьи более ранних уставов: мастер принимает ученика при двух свидетелях, заключается письменный договор, мастер сообщает об этом в цех, новенького записывают в ученическую книгу, он вносит (чаще вносит за него мастер) деньги в ремесленную казну, и учение начинается. Ученик не может уйти, а мастер прогнать его раньше отмеченного в договоре срока. Ученик может искать в управе защиту от плохого обращения мастера. О продолжительности рабочего дня в уставе 1860 г. ничего не говорится, нет ничего конкретного и об обязанностях ученика и наказаниях.

Положение ремесленных цехов и ремесла изменилось после вступления в силу закона 4 июля 1866 г. Этим законом предписывалось:

«1) Оставя существующие в Остзейских губерниях цехи, дозволить и лицам, не записанным в них, без различия вероисповеданий, званий и состояний, свободное производство всякого рода ремесел и содержание промышленных заведений.

2) Не препятствовать лицам, приписанным к цехам, оставлять оные, если они того пожелают, и заниматься ремеслами на изложенных выше основаниях»²⁷.

Кроме Остзейских губерний, этот закон распространялся на город Нарву Петербургской губернии. Он нанес сильный удар по цехам. Замкнутость и полновластие цехов в ремесле ликвидировались. Возникли две категории ремесленников — цеховые и нецеховые. И хотя цеховые еще очень долго считали себя лучшими специалистами и смотрели свысока на нецеховых, росту новой ремесленной категории ничто уже не мешало. Рос спрос на товары. Конкуренция вырабатывала качество. Но были живы традиции. Кроме того, поскольку новые законы издавались или на русском, или на немецком языке, то эстонцы-ремесленники часто новые законы или недопонимали, или узнавали о них с опозданием, или толковали их превратно. Об этом свидетельствует судебный процесс цеха извозчиков Ревеля в 1871—1875 гг., когда извоз-

²⁵ Центральный Таллинский государственный архив ЭССР (ЦТГА), ф. 164, оп. 1, д. 47, л. 32.

²⁶ ЦТГА, ф. 190, оп. 1, д. 19. *Handwerker-Reglement zur Anleitung für die Meister aller Ämter und die bei denselben dienenden Gesellen und Lehrlinge, 1860. Auszug aus dem Swood der Gesetz-Ausgabe, 1857.*

²⁷ ПСЗ, II, 41, № 43455.

чки долгое время требовали соблюдения цехового устава (переизбрания ольдермана) после того, как извозчий цех был упразднен²⁸. Что касается учеников, то именно тут традиции оказались всего сильнее. Ученичество продолжалось по старым уставам. Более поздние ремесленные уставы мало что изменили в положении учеников. Местный Ремесленный устав 1879 г.²⁹ в части, касающейся учеников, ничем не отличался от устава 1860 г. И по этому уставу мастер мог «пробовать» ученика 6 месяцев и найти его «некачественным», расторгнуть договор и отослать ученика обратно. Эти полгода ученик полностью находился во власти мастера и во всем ему повиновался. После 3 лет обучения (прилежного!) ученик мог потребовать удостоверение и перейти к другому мастеру.

Ремесленный устав 1885 г.³⁰ опять же повторял прежние. Уточнялись лишь требования об образовании ученика: каждый вновь поступивший должен был предъявить удостоверение об образовании, а если такового не имелось, то сдать в цеху экзамен. Относительно недоразумений между мастером и учеником отмечалось, что таковые разрешаются на цеховом собрании «по местным законам и цеховым обычаям». Существовавший 3—5-летний учебный срок превратился в довольно неопределенный. «Если мастер считает, что за время ученичества ученик не приобрел нужных знаний и навыков, он сообщает об этом в цех, где вопрос будет обсуждаться»³¹.

В проекте «Устава Ревельских цехов» 1894 г.³² статьи, касающиеся учеников, остались совершенно теми же, что и в уставе 1885 г. Не изменяли ничего и уставы отдельных ремесел. Например, Устав объединенных цехов каретников, маляров и жестянщиков от 1900 г. ввел только одно уточнение — три испытательных месяца обучения, которые засчитывались в срок ученичества, если ученик проходил его успешно и мастер оставлял его у себя³³.

Все перечисленные уставы отражали формально-юридическую сторону положения учеников. Далее интересно проследить, как придерживались законодательства в повседневной жизни. Ведь несмотря на сравнительно небольшое изменение статей законодательства, касающихся учеников и ученичества, быстрое развитие капиталистических отношений способствовало росту новых тенденций и в этой категории ремесленников.

По материалам, собранным А. Штакельбергом и А. Беклемишевым, действительное положение ремесленных учеников в середине 19 века было далеко не завидным. В отчете ревизии записано: «...Относительно ремесленной деятельности царит ужасный хаос... Относительно поведения... обсуждение этого представлено произволу каждого мастера... В немногих лишь цехах требуется от поступавших в учение знание грамоты. Участь учеников зависит от добросовестности мастера»³⁴.

Но в какой-то степени положение ученика за последующие 50 лет изменилось, причем не в лучшую сторону. Прежде всего все менее определенным становился испытательный срок. Если раньше требовалось, чтобы мастер регистрировал нового ученика сразу же при поступлении в цех (Устав 1844 г.!), то начиная с середины 19 в. такие записи запаздывали даже на несколько лет. Например, в Обществе соединенных ремесел города Вильянди в ученические книги записаны ученики слесаря

²⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 2, д. 433, л. 1—12; д. 5621, л. 2; д. 5554, л. 1—8.

²⁹ ЦТГА, ф. 190, оп. 1, д. 20.

³⁰ Там же, д. 187.

³¹ Там же.

³² ЦТГА, ф. 192, оп. 1, д. 16, л. 10.

³³ Там же.

³⁴ Труды комиссии, учрежденной для пересмотра, 72.

Эдуард Бёттер и Константин Семенов в апреле 1855 г., хотя с мастером договор заключен уже в декабре 1851 г.³⁵ Ученик слесаря Фр. Виера проучился уже 3 года, прежде чем его зарегистрировали³⁶. Ученик стеклотува И. Экстрема Н. Брандт учился в период 1885—1889, а зарегистрировали его в 1887³⁷. Но имеются примеры 2-недельного и 3—4-месячного испытательных сроков³⁸. О несоблюдении испытательного срока писал и А. Штакельберг. В Риге мастера тоже использовали неизвестных цеху учеников по своему усмотрению, «отнимая у них возможность жаловаться и искать защиту»³⁹. Незарегистрированные ученики оставались цеху неизвестными и не подлежали защите. Чем длиннее был испытательный срок, тем дольше мог отодвинуться конец ученичества. Некоторые цехи, например, требовали, несмотря на уверения, что ученик уже выслужил часть времени, записи его в учение еще на 3 года и, следовательно, беспечно или умышленное нарушение контракта мастером затягивало время ученичества.

Время ученичества зависело, как правило, от издержек, которые нес мастер. Если родители ученика были очень бедны, то они соглашались на все условия мастера, лишь бы избавиться от лишнего рта. Мастеру же в любом случае было прибыльно держать почти даровую рабочую силу. Уставы предписывали заключение письменного договора между мастером и родителями ученика. В договоре оговаривались срок ученичества и обязательства с обеих сторон.

В первой половине 19 в. этот срок обычно составлял 4—5 лет. Например, Тынно из Юриской волости записали в ученики к ревельскому бочарному мастеру А. Коху в 1843 г. на 4,5 года, Отто Тынно Бетлема в 1861 г. на 5 лет⁴⁰, А. Адельсона в 1860 г. к вильяндискому мастеру Фрейдлингу на $3\frac{3}{4}$ года⁴¹. Правда, не отмечается, сколько времени они до того уже отслужили. Также регистрируются Фр. Август Шмидт, А. Мейбаум и А. Паркел в 1860 г., все к одному и тому же мастеру, и все на 3 года.

Во второй половине 19 в. ремесленные уставы определяют срок ученичества с 3 до 5 лет, но в действительности он сократился в среднем до 3—4 лет⁴² (по опросу ремесленных заведений 1893 г.). Продолжительность ученичества зависела, конечно, и от ремесла. Например, Карл Сёрд из Вейсенштейнского уезда учился в Таллине малярному делу 3 года (1884—1887) и получил аттестат подмастерья. Это и было все учение, уже в 1887 г. он сам стал работать в Тарту мастером⁴³. Более короткий срок ученичества (по опросу 1893 г.) был в конце 19 в. у некоторых кузнецов, мясников, столяров. Хотя этого нельзя утверждать с полной уверенностью, потому что ученичеству могло предшествовать и «испытательное время». В конце 19 в. самым длительным было учение у печатников — по меньшей мере 5 лет. Это подтверждают и сами печатники в своих воспоминаниях⁴⁴. Ученики-печатники получали, как правило, зарплату, и были самыми образованными. Они владели (по опросу 1893 г.) тремя языками (немецким, русским и эстонским). Довольно длинным срок ученичества был и у портных, трубочистов, слесарей, часовых дел мастеров — в среднем 4—4,5 года. По сохранившимся учеб-

³⁵ ГИМ, ф. 136, оп. 1, д. 7, л. 1.

³⁶ Там же.

³⁷ ЦТГА, ф. 190, оп. 2, д. 19, л. 5—6.

³⁸ ГИМ, ф. 136, оп. 1, д. 7, л. 1—12.

³⁹ Труды комиссии, учрежденной для пересмотра, 81.

⁴⁰ Таллинский городской музей (ТГМ), № 17725.

⁴¹ ГИМ, ф. 136, оп. 1, д. 7, л. 2.

⁴² ЦИИА СССР, ф. 1290, оп. 5, д. 151—152.

⁴³ ТГМ, № 9967.

⁴⁴ ТГМ, № 10622 : 6.

ным договорам (Lehrcontracte) видно, что в середине 19 в. мастер, как правило, обеспечивал ученика необходимой одеждой и едой. Это было принято со времен средневековья, когда цеховой мастер принимал ученика в свою семью. Обычно денег такой ученик не получал⁴⁵. Но с середины прошлого века некоторые ученики получали жалование. В основном оно выплачивалось в последний период учения, когда приобретенные навыки и умение давали ученику возможность полностью включиться в производство ремесленных изделий. Например, бочарных дел мастер А. Кох обязывался выплачивать своему ученику А. Вейденбауму (время обучения 1868—1871) «25 рублей серебром на платье»⁴⁶ в последние два года. Тот же мастер обещал по договору платить другому своему ученику В. Эстерману (время обучения 1869—1874) в первом учебном году 15 рублей, во втором и третьем 20 рублей, в четвертом и пятом 25 рублей и к тому же содержать его, т. е. одевать и кормить⁴⁷. Бочарных дел мастер А. Даммерт выплачивал своему ученику Ф. Флорилу (время обучения 1871—1875) каждый год по 20 рублей «als Нопогаг». Бывало, что этот гонорар выплачивался родителям ученика⁴⁸. К концу века мастера уже не были заинтересованы в том, чтобы неустанно «отечески» заботиться и следить за учениками. В больших мастерских, где учеников было много, мастеру было удобнее платить им какое-то жалование, сажать, так сказать, «на свои харчи». В договорах того периода появляются отметки: «für die Kleidung und Kost hat die Mutter des Lehrling zu sorgen».

По опросу 1893 г., уже большинство мастеров платило ученикам какое-то жалование. Как правило, жалование получали ученики печатников, булочников, многих портных, а также ученики, выполнявшие в течение целого дня тяжелую физическую работу, — кузнецы, труболисты. Один и тот же мастер платил своим ученикам по-разному. В большинстве случаев меньше всех зарабатывал самый молодой ученик, но и тут были исключения⁴⁹. Разница в жаловании могла быть очень значительной. Один ученик мог получать вдвое больше другого. Суммы тоже были очень разные. Например, один каретник договорился с родителями ученика, что тот будет получать первые два учебных года по 2 рубля 40 копеек, а в последнем, третьем, году — 12 рублей⁵⁰. В типографии ученик мог получать до 100 рублей в год⁵¹. Кузнецы обычно платили своим ученикам первый год 15 рублей, второй — 20 рублей и третий — 25 рублей.

В первые годы ученичества всех учеников обычно использовали на разного рода домашних и вспомогательных работах, однако в последние два-три года не разрешалось занимать их делами, не связанными с изучаемым ремеслом. За выполнением этого требования следили старшины цехов. Нельзя было также заставлять учеников работать сверхурочно и в праздники. В первой половине 19 в. у ремесленников был в среднем 10-часовой рабочий день. Уже в 1785 г. существовало правило, что «ремесленных рабочих дней шесть в неделе; в день же воскресный и двенадцатые праздники ремесленники не должны работать без необходимой нужды» и «рабочие часы ремесленников в сутках суть от 6 часов утра до 6 часов вечера, исключая полчаса на завтрак и полтора часа на обед и отдых»⁵². К концу века рабочий день длился 12—13 часов. Это подтверждает опять же опрос ремесленных заведений 1893 г., где есть

⁴⁵ ТГМ, № 17730.

⁴⁶ ТГМ, № 17730, л. 1.

⁴⁷ Там же, л. 3.

⁴⁸ Там же, л. 6.

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 5, д. 152, л. 276.

⁵⁰ Там же, л. 220.

⁵¹ Там же, л. 198.

⁵² ПСЗ, I, 22, № 16187.

довольно точные данные о фактическом рабочем дне ремесленного ученика в конце 19 в. При этом нужно иметь в виду, что опросные листы заполнялись хозяевами-мастерами, которые, конечно же, не завышали время работы, а скорей — наоборот.

Большинство маленьких ремесленных заведений Эстонии в конце 19 в. работало по 14 часов — с 6 до 20 или с 7 до 21. Исключение составляли трубочисты (с 5 до 16), некоторые кузнецы (отмечается «с восхода до заката»), часовщики (как правило, не более 12 часов) и булочники, работавшие ночью. Парикмахеры работали обычно с 6 до 19, с 6 до 20 или с 8 до 21, т. е., за вычетом обеденного перерыва — 1—3 часа, чаще 2 часа, не менее 12—13 часов чистого рабочего времени. Так работала вся мастерская. Но если подмастерья кончали свою работу точно в определенное время, то рабочий день учеников мог еще продолжаться в связи с каждодневными хозяйственными работами. В 1885 г. в Ревеле было составлено много уставов объединенных подмастерьев⁵³. В них очень часто указывается точное время работы и имеется отметка «подмастерья, работающие в мастерских, должны следить, чтобы ученики после работы убирали мастерскую». Это значило для учеников еще около получаса работы по «специальности».

Один везенбергский сапожник сообщил в опросе 1893 г., что он работает с 6 до 22, а перерыв делает лишь «для еды»⁵⁴. К тому же он работал иногда и ночью. К счастью, у него был только один ученик. Немногие бы выдержали такую интенсивную работу в течение 4 лет. Другой сапожник из Везенбергского уезда работал с 5 до 22, отдыхая в обед лишь один час⁵⁵. У него тоже был один ученик. Но обычно сапожники работали по 11 часов⁵⁶. Длинный рабочий день был и у плотников и седельников. У тех специалистов, чья усталость могла повлиять на качество работы, рабочий день был короче или длиннее перерывы. Таковыми были печатники, шляпники, шапочники, золотых дел мастера, часовщики, маляры-художники. Например, печатник Ю. Преаст, начавший свое учение в 1889 г. в типографии М. Шиффера, пишет в своих воспоминаниях, что у печатников был 10-часовой рабочий день⁵⁷.

По сравнению с фабрикой интенсивность работы в маленьких ремесленных заведениях была, конечно, меньше, но она утомляла несовершеннолетних учеников, которые, особенно в первое время, были в основном на побегушках, а обеденный перерыв означал для них выполнение работ по хозяйству. Ночной работы, как правило, не было. Ночью работали только пекари и булочники. В опросе булочники отмечали, что «день от работы почти свободен».

Но даже в маленьких деревенских мастерских, не говоря о городских, были периоды аккордной работы, особенно накануне больших церковных праздников, базарных дней, ярмарок и т. д., когда резко увеличивался спрос на ремесленные изделия. Тогда вся мастерская отработывала лишние часы, и рабочий день учеников мог доходить до 15 часов. Такие случаи отмечали многие сапожники, портные, кузнецы, переплетчики. Некоторые из мастеров платили ученикам сверхурочные. Например, ученики переплетчиков получали по 5 копеек за каждый сверхурочный час работы⁵⁸. Но это скорее исключение, чем правило. Обычно ученики работали просто вместе со всеми столько, сколько требовалось.

О среднем возрасте принимаемого в учение подростка во второй половине 19 в. точных данных нет. В ремесленных ученических книгах

⁵³ ЦТГА, ф. 190, оп. 1, д. 191, д. 73^a, 75^a, 75^c.

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 5, д. 152, л. 250.

⁵⁵ Там же, л. 156.

⁵⁶ Там же, л. 82.

⁵⁷ ТГМ, № 10622 : 6.

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 5, д. 151, л. 202.

год рождения не отмечался. По-видимому, большее значение имели рост, телосложение и физическое здоровье ученика, а также специфика выбранного ремесла. Иногда возраст учеников удавалось установить косвенным путем. Например, сохранились некоторые свидетельства о рождении⁵⁹, которые всегда требовались при регистрации ученика в цех и записи в ученическую книгу. Большинство владельцев этих свидетельств удалось обнаружить в списках ученических книг⁶⁰. Разрыв между датой выдачи свидетельства и годом рождения составлял 12—17 лет. В основном эти ученики родились в середине века — 1846—1857 гг., так что время их ученичества приходится на конец 60-х—начало 70-х годов. С конца века, благодаря опросу ремесленных заведений 1893 г., имеются более точные данные. В опросном листе нужно было отметить год рождения ученика. Средним возрастом выходит 14—16 лет. Но имелись и 12-летние ученики. Поскольку, как уже отмечалось, опросные листы заполнял мастер, то возраст мог иногда и завышаться. Даты рождения никем не проверялись. Старше других (по 16—20 лет) были ученики кузнецов и трубочистов, а также плотников, каретников и мясников. Все эти ремесла требовали не столько точных навыков, сколько большой физической силы. Подростки помоложе чаще встречаются у портных, сапожников, при типографиях.

Недоразумения между мастером и учеником разрешались, как уже отмечалось, в стенах мастерской и нигде не обсуждались. Жалобы по вопросу ученичества поступали в управу крайне редко. Весьма неопределенные в этом плане требования уставов позволяли мастеру продлевать сроки обучения якобы в целях наказания нерадивых, неспособных и непокорных. На самом же деле это скорее касалось самых бедных или сирот, которым некому было жаловаться и неоткуда ждать защиты, но ловких на руку и смекалистых. Поскольку с содержанием и обучением каждого ученика были связаны немалые расходы — от 60 до 200 рублей в год (из опроса 1893 г.), то от учеников, не приносящих прибыль, мастера старались как можно скорее избавиться. О подобных случаях уже писали А. Штакельберг и А. Беклемишев⁶¹. Таким же положение осталось и во второй половине 19 в., когда перешли в договорах только на «харчи и одежду». Продлению срока обучения способствовали также упомянутые неточность и запаздывание с регистрацией учеников и бесконтрольность со стороны ремесленных цехов и управы.

Ученики, не имея никакой защиты, оказывали пассивное сопротивление и убегали от своих хозяев. Как правило, их возвращали, наказывали и все шло по-прежнему. Сохранилось одно судебное разбирательство 1870—1871 гг.⁶² Мастерца и хозяйка башмачного цеха в Санкт-Петербурге Т. Мюнстерлейт жаловалась на своего ученика Ф. Йогансона из Везенберга за нарушение контракта. Она взяла себе ученика, но он вдруг исчез. Хозяйка, наконец, узнала, что мальчик уехал домой и живет там у родителей. Она потребовала его назад, но оказалось, что мальчик дома заболел (предъявили свидетельство врача), однако хозяйка все же требовала его возвращения, обещая за лечением следить сама. К сожалению, больше никаких деталей не отмечено. Неизвестно, сколько потеряла на этой сделке хозяйка, но родители мальчика не отпустили.

Самым действенным средством было указание в учебном договоре конкретной суммы штрафа на случай ухода ученика от мастера раньше срока. Ученики вносили весомый вклад в работу мастерской, и мастера часто страховали себя от их побегов. Например, Ханс Якоб Бауман (время обучения 1878—1883) обязался при досрочном уходе выплатить

⁵⁹ ГИМ, ф. 136, д. 1/9, л. 1—11.

⁶⁰ Там же, д. 7, л. 1—12.

⁶¹ Труды комиссии, учрежденной для пересмотра, 82.

⁶² ЦГИА СССР, ф. 29, оп. 2, д. 19.

мастеру 25 рублей⁶³. Мастер-стеклодув И. Экстрём в договоре с одним учеником застраховался на 100 рублей⁶⁴, причем договор был заключен через два года после фактического поступления ученика на работу в мастерскую, так что мастер, по-видимому, знал о его способностях. Все же такая сумма встречается в договорах крайне редко.

Одна из статей уставов ремесленников обязывала каждого мастера давать ученику возможность посещать школу и проверять его успехи. И, надо сказать, они более строго подходили к этому делу, чем фабричная дирекция. Ученики посещали либо воскресные школы, которые были в каждом уездном городе, либо фабричные. Ревельские ремесленные ученики ходили, кроме воскресной школы при гильдии св. Канута, и в другие школы, в том числе и в предназначенные для самого бедного люда. Сохранились регистрационные книги за 1874—1887 гг.⁶⁵ двух школ Ревеля для бедных (Armenschule) — мужской и женской. Среди учеников большинство — дети ремесленников: извозчиков, столяров, сапожников и др. Много детей солдат. Специальность «попрестижнее» обычно сопровождается пометка, что отец умер, т.е. экономическое положение семьи ухудшилось. В графе «занятие отца» часто стоит «ein Arbeiter»⁶⁶. Одна запись отличается от других: отец Георга Крузенберга Юри отмечен как «ein Fabrikant»⁶⁷. Его сын пришел в школу бедных 8-летним, проучился там 3 года и потом перешел в городскую. Можно предположить, что отец стал фабрикантом недавно, незадолго до поступления сына в школу и обращал больше внимания на экономическое положение своей семьи, чем на социальное. Учебный взнос в этих школах был от 3 до 6 рублей в год. В фабриканты обычно выбивались ловкие ремесленники, умевшие считаться с конъюнктурой. «Фабрикой» же могла называться просто расширенная мастерская.

Отцы многих детей были подмастерьями. Например, у В. Андерсона и К. Вахеля — слесарные подмастерья⁶⁸. Сыновьям их было 8—9 лет, т.е. семьями эти люди обзавелись уже давно. Можно предположить, что большего, чем звание подмастерья, они и не добились. У фамилий многих учеников стояла пометка, что после окончания школы (3 года) они пошли в учение к столяру, сапожнику или другим ремесленникам. Возраст учеников колеблется от 7 до 15 лет, в среднем 11—12 лет. Это еще один косвенный показатель того, с какого возраста начинался путь в ремесленники.

Ремесленные цехи и управы тоже требовали (в действительности не очень строго) от учеников элементарной школьной успеваемости. Из школы нужно было приносить табель успеваемости. Например, сохранился аттестат бочарного ученика М. Гримма от 1882 г., в котором его знания оцениваются «sehr schwach»⁶⁹. А знания К. Блаумана, Ф. Кальёта, Р. Ивесса и др. вполне удовлетворительны⁷⁰. Уровень знаний отмечался и в школьном журнале (в школе для бедных). В этой школе можно было получить начальное образование и при хороших способностях пойти дальше. Печатник Ю. Тамбек (1874 года рождения) после окончания школы бедных сразу пошел учеником в типографию Матийзена. Ему было 12—13 лет (1887)⁷¹. А в типографиях требования насчет образования учеников были особенно высоки. Именно среди учеников печатников было обычным владение тремя языками.

⁶³ ЦТГА, ф. 190, оп. 2, д. 19.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ ЦТГА, ф. 877, оп. 1, д. 7.

⁶⁶ Там же, л. 6.

⁶⁷ Там же, л. 5.

⁶⁸ ЦТГА, ф. 877, оп. 1, л. 5—7.

⁶⁹ ТГМ, № 17733.

⁷⁰ ТГМ, № 17735.

⁷¹ ТГМ, № 10622 : 6.

Знание русского языка стало обязательным в последнее десятилетие 19 в. Но знание немецкого требовалось от ремесленников издавна, особенно если они надеялись выбиться в люди и получать заказы от «чис-той публики». Уже в 1837 г. в протоколе Ревельского магистрата отмечалось, что каждый ученик ремесленника, желающий стать подмастерьем, должен предъявить удостоверение: «...от одного здесь законно действующего учебного заведения, что он достаточно хорошо умеет читать и писать по-немецки»⁷². Под угрозой штрафа было ни одного ученика без такого свидетельства производить в подмастерья.

Вопрос об отношении мастеров к уровню грамотности принимаемых учеников содержался и в опросе 1893 г. Обычный ответ: «Лучше принимать грамотных». Лишь три хозяина (один кузнец и два сапожника) ответили, что им совершенно безразлично, грамотны их ученики или нет. Согласно опросу, среди учеников было только трое неграмотных (один умел читать, два совершенно безграмотных).

Итак, опираясь на вышеизложенное, можно утверждать, что за вторую половину 19 в. положение ремесленного ученика во многом приблизилось к положению наемного рабочего. Хотя старые обычаи были еще сильны, но переход к капиталистическому способу производства менял суть их положения, оставляя форму той же. В связи с расширением и укреплением внутреннего рынка, с усилившимся притоком свободных ремесленников после закона 1866 г., под воздействием конкуренции более совершенных форм промышленности, а также усилившихся социальных противоречий внутри ремесленного производства цеховая система претерпела полный упадок.

Чтобы выдержать конкуренцию, ремесленник должен был повышать производительность труда и удлинять рабочий день. С уничтожением обязательности цеховых правил, с одной стороны, и из-за отсутствия четкой внутренней регламентации и контроля, с другой, ремесленники постепенно утрачивали свою самостоятельность и, подчиняясь лишь рыночному спросу, старались выжать как можно больше прибыли из своего производства. В связи с этим положение учеников, столь незавидное уже в середине 19 в., к концу столетия еще более ухудшилось. В промышленности кое-какое улучшение положения работающих детей произошло после издания закона о малолетних в 1882 г. Тогда стали осуществлять хоть какой-то контроль, начала действовать фабричная инспекция. На ремесло же этот закон не распространялся.

Ученики и мастера находились уже не «в семейных», а в чисто трудовых отношениях, отношениях хозяина и эксплуатируемого. Ученики, обычно несовершеннолетние, в силу укоренившихся традиций полностью повиновались человеку, учившему их ремеслу, были в полной зависимости от него и в случае чего не могли постоять за себя. Лишь взрослея и приобретая навыки в работе, они заставляли хозяина считаться с собой. Каждый ученик искал пути выбиться в люди. Но под этим подразумевался заработок, а не место подмастерья. Окончив учение, многие шли на фабрики и вливались в ряды рабочего класса.

⁷² ТГМ, № 17738.

Представил Ю. Кахк

Поступила в редакцию
16/II 1988

*Институт истории
Академии наук Эстонской ССР*

KÄSITÖOLISTE ÖPIPOISTE OLUKORRAST EESTIS 19. SAJANDI TEISEL POOLEL

19. sajandi teisel poolel tõi kapitalistlike suhete kiire areng Eestis endaga kaasa olulisi muutusi käsitöölaliste olukorras. Tööstusliku pöörde tulemusel hakkas käsitöö osatähtsus tootmises vähenema, keskaegne tsunftisüsteem lagunes ning meistrid ja sellid allusid ikka enam kapitalistliku turu nõudmistele, täiendades ühelt poolt töökojaoomanikest palgatööjõu kasutajate, teiselt poolt palgatöölaliste ridu.

Käsitöölaliste õpilased (juriidiliselt kõige ebamäärasemalt ja üldsõnalisemalt määratud kategooria) jäid aga ammukujunenud traditsioonide põhjal meistrite võimu alla. Kõikides käsitööreglementides olid käsitööõpilasi puudutavad korraldused seotud eeskätt vastuvaidlematu allumisega meistriale, samuti õpilasaja kohustusliku lõpetamisega. 1844. aasta määrus Tallinna käsitöölaliste kohta fikseeris kõige täpsemalt karistused iga õpipoisipoolse üleastumise eest.

Mõneti muutus õpipoiste olukord 19. sajandi teisel poolel. Seda näitavad tolleaegsed lepingud, aruanded, loendused ja muu materjal. Ebamääraseks venis õpipoisi katseaeg kuni õpipoisiks registreerimiseni. See võis olla mitu aastat. Samuti võis pikeneda ka õpipoisiaeg, eriti kui õpilane oli taibukas ja tegi korralikku tööd ning kui tal polnud vanemaid. Tavalised peremehepoolne kost, riided ja korter hakkasid asenduma rahalise hüvitusega, s. t. õpipoisid said palka.

Käsitöökodade tööintensiivsuse suurenedes ja tööaja pikenedes kasvas õpipoiste tööhõive 4—5 tundi, s. o. 14—15 tunnini päevas. Sajandi lõpul maksti mõnikord õpipoistele ka ületunde eest lisatasu. Öötööd üldjuhul ei olnud, erandiks on pagarid.

Ametiõppimine algas 12—16 aasta vanuselt olenevalt tööalast. Vanemad õpipoisid olid tavaliselt rasket füüsilist pingutust nõudvatel erialadel, nagu sepad, tollassepad, puusepad, korstnapühkijad. Oppeaeg kestis 3—5 aastat, lihtsamatel erialadel (maalrid, puusepad) oli see lühem, rohkem õppimist ja vilumust nõudvatel erialadel (kellassepad, kullassepad, rätsepad, lukksepad, trükkalid) pikem. Mõnikord oli õpipoisil õpiaja alguseks üldhariduslik algõpetus saadud. Kui koolitunnistust ei olnud ette näidata, pidi meister võimaldama õpipoisil koolis käia ja jälgima tema kooliedukust.

Meistri ja õpipoisi vahelised tülid lahendati tavaliselt töökoja seinte vahel. Õpipoistel polnud kuhugi kaevata. Sageli avaldasid nad passiivset vastupanu, mõnikord jooksid ära. Neid otsiti, toodi tagasi ja karistati. Meistrid kindlustasid end õpipoiste ärajooksmise vastu sellega, et märkisid trahvisumma lepingusse.

Et 1882. aasta seadus alaealiste tööliste kohta käsitööõpipoistele ei laienenud, olid viimased kuni 19. sajandi lõpuni jäetud meistrite meelevalda alla. Peaaesmärgiks ei olnud enam järgmise oskustasme, s. t. selliseisuse saavutamine, vaid esmatähtsuse omandas palk. Seega õpipoisid lähenesid sisuliselt üha rohkem palgatöölilistele, kuigi vormiliselt olid veel kindlalt seotud mitmete tsunftisüsteemi traditsioonidega. Endine tugev side meistri ja õpipoisi vahel nõrgenes. Kumbki enam huvitatud oma kohustustest kinnipidamisest. See alandas omakorda tunduvalt käsitöötoodete kvaliteeti. Paljud õpipoisid läksid pärast õpiaja lõppemist tööle vabrikusse või tehasesse.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut

Toimetusse saabunud
16. II 1988

Maria TILK

DIE LAGE DER HANDWERKSLEHRLINGE IN DER ZWEITEN HÄLFTE DES 19. JAHRHUNDERTS

Die schnelle Entwicklung der kapitalistischen Verhältnisse in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts in Estland brachte auch eine wesentliche Veränderung der Lage der Handwerker mit sich. In Folge der schnellen industriellen Entwicklung verringerte sich die Bedeutung des Handwerks im Produktionsumfang. Das mittelalterliche Zunftsystem löste sich auf, und die Meister und Gesellen unterordneten sich immer mehr den Anforderungen des kapitalistischen Marktes. Damit ergänzten sie einerseits die Reihen der Werkstattbesitzer und andererseits die der Lohnarbeiter.

Die Handwerkslehrlinge aber als die juristisch unbestimmteste Kategorie blieben nach alten Traditionen dem Meister unterstellt.

In allen Handwerksreglementen waren die Anleitungen mit der Unterordnung dem Meister und mit der Beendigung der Lehrzeit verbunden. (Eine Verordnung vom Jahre 1844 fixierte genau die Strafen für alle Vergehen der Lehrlinge.)

Der Zustand der Lehrlinge verbesserte sich immerhin während der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Das beweisen die damaligen Verträge, Berichte, Zählungen und andere Archivmaterialien. Vor allen Dingen wurde die Probezeit des Lehrlings (bis er zum Lehrling registriert wurde) immer unbestimmter. Diese konnte bis auf mehrere Jahre ausgedehnt werden. Auch die Lehrzeit konnte verlängert werden, besonders wenn der Lehrling gescheit und aufgeweckt war, gute Arbeit leistete und wenn er keine Eltern hatte. Die Kost, Bekleidung und Wohnung, die der Lehrling gewöhnlich vom Meister erhielt, wurden langsam durch Geld ersetzt. Also fingen die Lehrlinge an, ihr Gehalt in Geld zu bekommen.

Die Arbeit in den Handwerksunternehmen wurde intensiver, der Arbeitstag verlängerte sich um 4—5 Stunden, also bis auf 14—15 Stunden. Am Ende des Jahrhunderts bezahlte man den Lehrlingen manchmal für die Überstunden einen zusätzlichen Lohn. Nacharbeit gab es in der Regel nicht, ausgenommen bei den Bäckern. Im Alter von 12—16 Jahren, je nach dem Beruf, begann die Lehrzeit. Die älteren Lehrlinge wählten gewöhnlich ein körperlich schweres Arbeitsgebiet, wie z. B. Schmied, Wagenbauer, Stellmacher, Zimmermann, Schornsteinfeger. Die Lehrzeit dauerte 3—5 Jahre, in den einfacheren Ämtern (Schuster, Maler, Zimmerleute) weniger, in den mehr Übung und Erfahrung verlangenden Fachgebieten (Uhrmacher, Goldschmiede, Schneider, Drucker) — länger. Oft hatte der Lehrling, bevor er beim Meister in die Lehre trat, den Elementarunterricht in der Allgemeinbildung schon absolviert. Wenn er kein Schulzeugnis hatte, mußte der Meister ihm gestatten, die Schule zu besuchen.

Alle Streitfragen zwischen dem Meister und den Lehrlingen wurden gewöhnlich in der Werkstatt erledigt. Es gab keine Institution, die den Lehrling beschützt hätte. Oft leisteten die Lehrlinge passiven Widerstand. Manchmal liefen sie einfach fort. Sie wurden aufgesucht, zurückgeholt und bestraft. Die Meister sicherten sich dagegen, indem sie das Strafgeld im Vertrag vermerkten.

Da das Gesetz über minderjährige Arbeiter vom Jahre 1882 die Lehrlinge nicht anbetraf, blieben die letzteren bis zum Ende des 19. Jh. unter der Eigenmächtigkeit der Meister. Das Hauptziel war nun nicht mehr, die nächste Kategorie — den Gesellenstand — zu erreichen, sondern der Lohn. Damit näherten sich die Handwerkslehrlinge immer mehr den Lohnarbeitern, obwohl sie formell mit den Traditionen des Zunftsystems verbunden waren. Das frühere starke Band zwischen dem Meister und dem Lehrling hatte sich aufgelockert. Keine Seite war mehr an der Erfüllung der gegenseitigen Verpflichtungen interessiert. Dadurch wurde die Qualität der Handwerksproduktion bedeutend niedriger. Viele Lehrlinge gingen nach der Lehrzeit als Arbeiter in die Fabriken.

*Institut für Geschichtsforschung
der Akademie der Wissenschaften
der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 16. Febr. 1988